

КАЛИФОРНИЙСКИЙ ТРИПТИХ

«ДИКИЙ БЕРЕГ»

«ЗОЛОТОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ»

«У КРОМКИ ОКЕАНА»

Kim Stanley Robinson

The Gold Coast: Three Californias

Ким Стэнли Робинсон

ЗОЛОТОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

МОСКВА 2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
P58

Kim Stanley Robinson

THE GOLD COAST: THREE CALIFORNIAS
(WILD SHORE TRIPTYCH)

Copyright © 1988 by Kim Stanley Robinson

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *Н. Плутахина*

Робинсон, Ким Стэнли.

P58 Золотое побережье / Ким Стэнли Робинсон ; [пер. с англ. М. Пчелинцева]. — Москва : Эксмо, 2018. — 560 с.

ISBN 978-5-04-096128-3

2027 год. Южная Калифорния. Сбылась безумная мечта застройщика. Округ Ориндж слился в один мегаполис. Бесконечность высоток, автострад и торговых центров.

Джим Макферсон теряет себя в этом дивном мире скоростных автомобилей, случайного секса, видеостен, дизайнерских наркотиков. Он сын успешного оборонного подрядчика, но его антивоенные взгляды провоцируют семейные конфликты. Джим постепенно втягивается в деятельность промышленников-террористов-пацифистов.

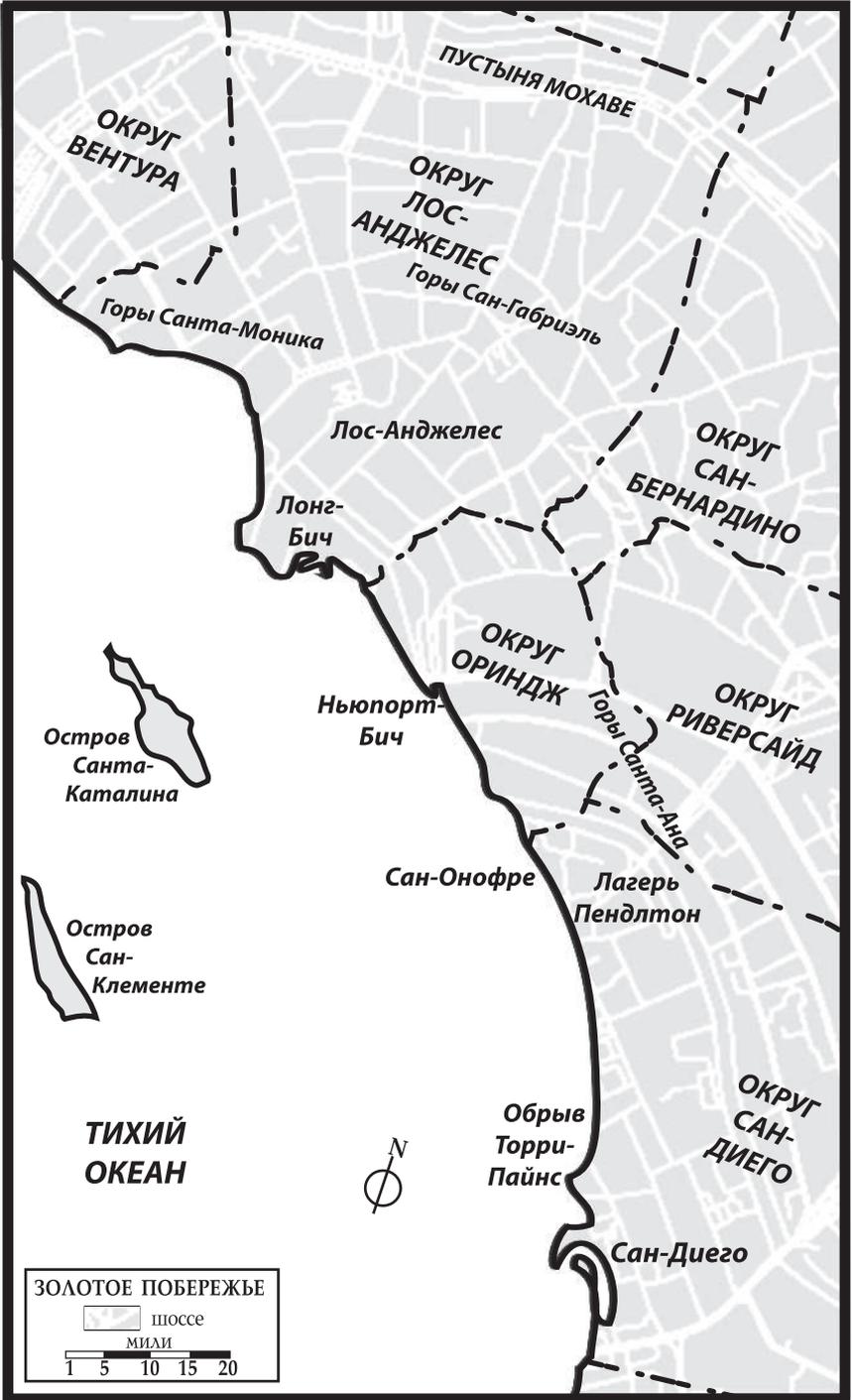
Вторая книга «Калифорнийского триптиха» Кима Стэнли Робинсона

**УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44**

© М. Пчелинцев, перевод
на русский язык, 2018
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-096128-3

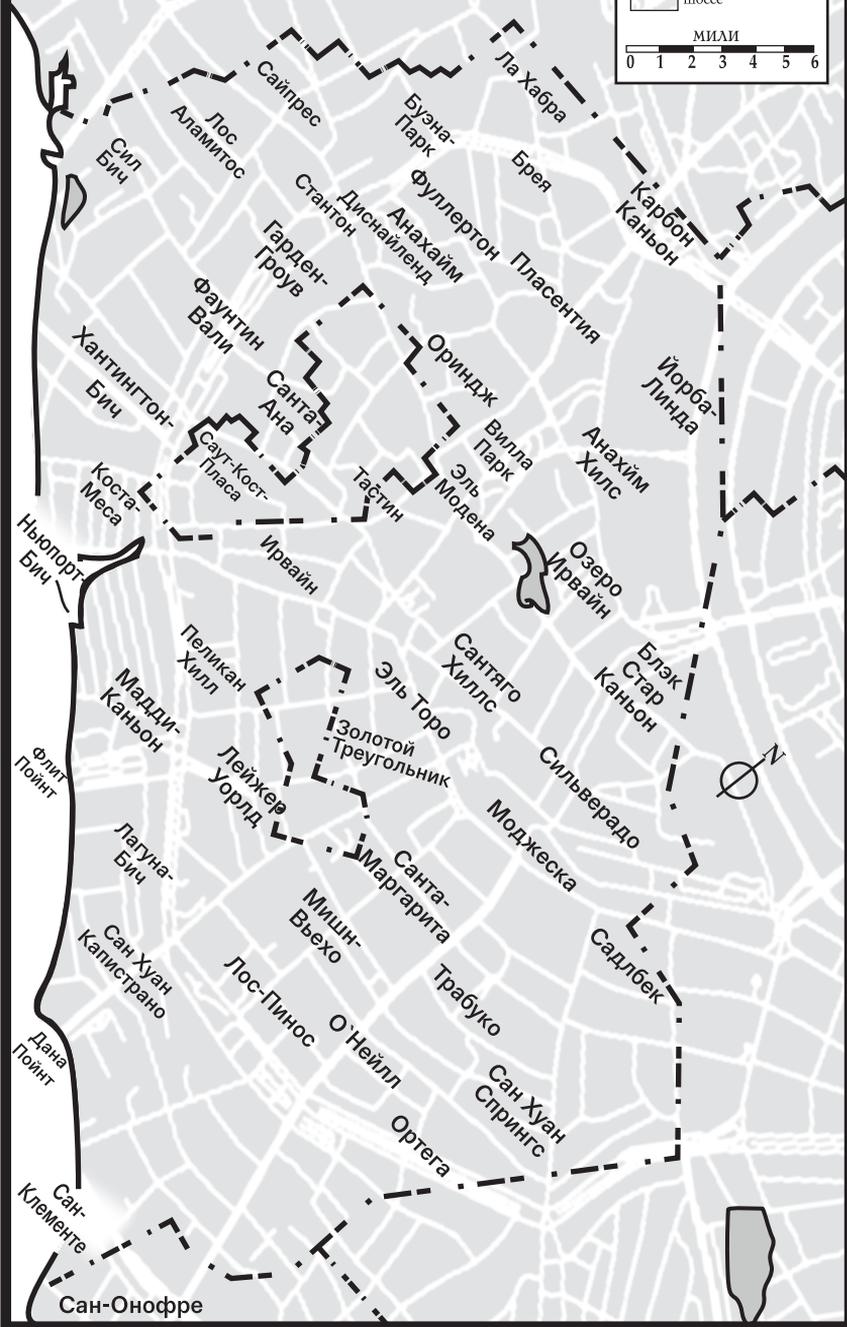
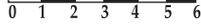
ЗОЛОТОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

ОКРУГ ОРИНДЖ

шоссе

МИЛИ

Сияет бесконечными огнями колоссальный мегаполис, давно поглотивший округ Ориндж. Город поглощает и людей, маня бесконечными соблазнами — машинами, квартирами, оборонными предприятиями и наркотиками в пипетках. И даже те, кому не по нраву жить «как все», без цели и смысла, — противники ли они системы или ее составная часть? Каждый должен ответить на этот вопрос сам и для себя, как делают это молодые жители будущего калифорнийского Золотого Побережья.

1

Би-ип! Би-ип! Бип-бип.

— Ты меня подрезал! — заорал, высунувшись из окна машины, Джим Макферсон; ни в чем не повинный хозяин «Мини-Хонды» — именно ее вывела вперед автоматическая программа — недоуменно оглянулся. Древний «Вольво» резко рванул вверх, а наполовину вывалившийся наружу Джим повис, чуть не бороздя носом бетон. Эйб Бернард ухватил его за ремень и втащил обратно.

— Ну, ты даешь!

На округ Ориндж опустилась ночь, миля за милей под колеса стелется аутопия¹, в машине четверо друзей. Звезды школьной борцовской команды (сколько же это лет прошло — неужели десять?), они катаются по сиденьям «Вольво», пытаются прижать Таши Накамуру, не подпустить его к глазной пипетке с новейшим зельем Сэнди Чапмэна. Таш выступал в полутяжелом и единственный из компании сохранил приличную форму, такого не прижмешь; он победоносно выдрался из рук друзей и заграбастал пипетку, ни на секунду не переставая горланить на пару со старым джимовским компакт-диском: «Дайте мне кто-нибудь чизбургер!» Въездная полоса заворачивает еще круче, контакты с визгом цепляются за электромагнитную — силовую и управляющую — дорожку, на заднем сиденье образуется куча-мала.

— Хо-хо, а пипетку-то я вроде уронил!

— Слышь, мы уже на трассе, верно? А чего же никто не следит?

¹ Аутопия — производное от «авто» и «утопия». (Здесь и далее примеч. пер.)

Эйб ужом протискивается на водительское место, осматривается. Все путем. Следуя своим программам, машины жужжат себе потихоньку, мчатся на север точно вдоль восьми дорожек, тянущихся по центру каждой полосы. Впереди — река красных хвостовых огней, сзади — белые подфарники. Некоторые машины сваливают на S-образные дорожки, перестраиваются из ряда в ряд — слева направо, справа налево, желтые указатели поворота отщелкивают ритм этого устремленного вперед потока, клик-клик-клик, клик-клик-клик. На ньюпортской трассе сегодня все путем.

— Нашли там эту пипетку? — голос Эйба звучит чуть недовольно.

— Ага, тут она.

Ведущая на север полоса плавно вздымается вверх, пересекая широко распластавшуюся развязку, — здесь трассы расходятся на Сан-Диего, Дель-Мар, Коста-Месу и Сан-Хоакин. Двадцать четыре бетонные ленты свиваются чудовищным — три сотни футов высоты и миля в диаметре — гордиевым узлом, «Вольво» пролетает по самой середине этого монумента аутопии, как букашка сквозь сердце великана. Старая калоша Джима загудела полутонном выше, и вдруг показалось, что они посреди посадочного поля международного аэропорта Джона Уэйна, как раз проносящегося по правую руку; в этажерке магистралей северная ньюпортская — самая верхняя, их отделяет от матушки Земли добрая сотня футов. И на многие мили вокруг — ночной ОкО. Представьте себе:

Огромная решетка света.

Вольфрам, неон, натрий, ртуть, ксенон, галогены.

Внизу квадратная сетка оранжевых уличных огней.

Сияет все, способное сиять.

Ртутные лампы: голубые кристаллы над трассами, домами, автостоянками.

Режущий глаза ксенон, сверкающий на магазинах, стадионе, Диснейленде.

Огромные галогенные пальцы прожекторов, шарящие в ночном небе аэропорта.

Красные всплески «Скорой помощи».

Неизбывное повторение: красный-зеленый-желтый, красный-зеленый-желтый.

Задние огни и передние огни, красные и белые кровавые шарики, проталкиваемые сквозь лейкоэмическое тело света.

В твоём мозгу красный стоп-сигнал.

Миллиард огней. (Десять миллионов людей.) Сколько киловатт в час?

Решетка, уложенная на решетку, от гор и до моря. Миллиард огней.

Да, округ Ориндж.

Джим закапывает себе в глаз солидную каплю новейшей продукции Сэнди, промаргивается, и тут же окружающее начинает пульсировать. В мгновенном сатори он прозревает структуру всех структур — все слои освещения ОкО, за многие десятилетия, за многие поколения. Некоторые из решеток даже приподнимаются над землей и поворачиваются на девяносто градусов, чтобы согласоваться с метаструктурой открывшегося целого.

— Я бы назвал эту твою штуку «Прозрение структур».

— Подходяще, — согласен Сэнди, — я это вижу.

— Да с такой высоты все увидишь и после таблетки аспирина, — возражает Эйб.

— Точно. И это я вижу.

— Нужно назвать ее «Согласие», — предлагает Таши.

— Точно. И это я вижу.

— Мы в центре мира, — объявляет Джим. Эйб и Таши начинают озираться по сторонам, словно они пропустили дорожный знак, — ведь должна же быть табличка или еще что, точно? — Округ Ориндж — это конец истории, чистейший ее продукт. Тысячи лет цивилизация двигалась на запад, пыталась догнать закатное солнце, а потом они пришли сюда, на берег Тихого, и дальше идти было нельзя. Тогда они остановились здесь и сделали вот это. Они были на последнем великом подъеме корпоративного капитализма, потому-то все

здесь организовано чистейшим образом: покупать и продавать, покупать и продавать, и так все до самой мелочи.

— Марксист хренов.

— Им, наверное, нравились фонари.

Джим стряхивает с себя друзей и мгновенно впадает в то-ску; разговор об истории возвращает его к главной миссии сегодняшней ночи.

— А ведь было совсем не так!

— Загибаешь, — говорит Таш; они с Эйбом обмениваются улыбками: Джим, бывает, такое отмочит — почище видео.

— Нет, не загибаю. Вся эта низина была покрыта апельсиновыми рощами, двести квадратных миль апельсиновых рощ, а то и больше. Здесь было больше апельсинов, чем сейчас лампочек.

— Что-то верится с трудом, — хором откликаются его друзья.

— Но это так! Округ Ориндж¹ был сплошным огромным апельсиновым садом, — вздыхает Джим. Эйб, Таш и Сэнди переглядываются.

— Это ж сколько деревьев, — серьезно заявляет Эйб. Таш давится смешком, а не желающего сдерживаться Сэнди охватывает приступ знаменитого чапмэновского хохота:

— А-хахахахахаха, а-хахахахахаха.

— Слышь, — спрашивает Таш, — а тебе не надоела дорога?

— Спрашиваешь! — орет Джим.

Эйб щелкает переключателем рядов, они сворачивают в крайний правый, а затем крутят по выездной эстакаде, пока не оказываются двумя уровнями ниже, на Чапмэн-авеню. Улица Сэнди. У нее всего два уровня, и ведущий на восток, где они и оказались, верхний из этих двух. В Эль-Модене кончается вся этажерка, они снова на земле, на шоссе с двухсторонним движением.

— Куда теперь, профессор?

— Паркуйся в молле², — говорит Джим.

¹ Orange — апельсин (англ.).

² Молл — распространенное название торгового центра.

Эйб пристраивает машину, а Джим тем временем еще раз справляется по карте. Он дрожит от возбуждения — совсем ведь новая идея, эта самая миссия, эдакая самодеятельная археология. Годы чтения книг по местной истории породили в нем не контролируемый уже порыв что-нибудь такое найти, страстное желание потрогать, погладить какую-нибудь реликвию прошлого. И сегодня — великий день. Великая ночь.

Они припарковались в конце Хьюз-молла, перед рестораном «Эль-Торито».

— Здесь ведь самое старое здание округа, — объясняет Джим. — Квакерская церковь, построена в 1887 году. Они повесили здоровый колокол, но он был слишком тяжелый, и когда первый раз задула Санта-Ана¹, все здание обрушилось. А они снова его построили. Сейчас-то не разберешь, над ним взгромозили ресторан, а в старом помещении теперь казино. Но это дает точку отсчета — вот, погляди на старой карте. А точно в ста сорока ярдах к западу, на другой стороне улицы, расположена эль-моденская начальная школа, построена в 1905-м.

— Никогда такой не видел, — сказал Таш.

— Ее теперь нет, снесли в шестидесятые прошлого века. Но двоюродный дедушка мамы ходил сюда, когда был маленьким, и он мне про нее рассказывал. Там было два деревянных здания, а между ними немощеный двор. Когда здания снесли, обломки покидали вниз, в подвалы, а потом залили все бетоном. У меня точно отмечено положение этих зданий. Западное из них прямо под видеодворцом «Пышные пышки» и его автостоянкой.

— Ты хочешь сказать, — удивляется Эйб, — что нам всего-то и надо что проломить покрытие автостоянки...

— Ну да, потому я и просил тебя захватить инструменты...

— ...пробить бетон, прокопать три-четыре фута подсыпки — и мы доберемся до руин эль-моденской начальной школы, существовавшей с 1905 по 1960 год от Рождества Христа?

¹ Санта-Ана — ветер, дующий с одноименного перевала.

— Вот именно!

— Так давай! — провозглашает Эйб. — Чего же мы ждем?

— А-хахахахахахаха...

Они выскакивают наружу, расхватывают инструменты, идут по Чапмэн-авеню; в окнах проезжающих машин — лица, глазающие на людей, передвигающихся пешком.

— Там ведь и закладной камень есть, — все сильнее возбуждается Джим. — И дата на нем высечена. Если бы мы его...

Посетители «Пышек» сверкают ослепительно-яркой красно-желто-синей одеждой — в этом сезоне модны основные цвета спектра, — поглощают ослепительно-яркие зеленые, пурпурные и желтые пышки, а затем погружаются в голографическую реальность африканской саванны. Четверка друзей огибают видеодворец и выходят на примыкающую к нему маленькую темную автостоянку, с одной стороны которой — глухая стена кинотеатра, с другой — глухая стена супермаркета, а в глубине — глухая стена жилого комплекса. Света не надо — хватает отраженного в низких облаках сияния ОкО. На старом, заляпанном машинным маслом бетоне, совсем рядом со стеной «Пышных пышек», нарисованы маслом крестики — пометки, сделанные Джимом во время разведывательного похода.

— Прямо вот тут.

Эйб и Таш скидывают с плеч инструменты и вытаскивают дорожное спасательное оборудование Эйба.

— Вообще-то не стоило мне это брать, — печально трясет головой Эйб. — Есть, конечно, запасное, но ведь чего не случается...

Он берет вибрационную пилу, Таш — игольчатый пробойник, вскоре бетон проломлен, еще несколько минут — и в нем вырезана основательная дыра. Треск, визг и скрежет почти без остатка тонут в городском шуме. Затем Таш с Эйбом надевают рабочие рукавицы и принимаются вытаскивать обломки. Дело не очень трудное — бетон здесь толщиной всего дюйма в четыре. К нижней стороне обломков прилепились дюймовые корки древнего асфальта.

— Просто залили старую поверхность, — комментирует Джим. — На этом месте очень толстый культурный слой.

Вскоре автостоянка украсилась квадратной дырой примерно четыре на четыре фута.

— Подумают, наверное, что кто-то пытался проникнуть в заведение и похитить формулы секретных пышек, — говорит Таш. Они с Сэнди затягивают рекламную песенку «Пышек»:

*Всем сладкоежкам радость несет,
То, что вокруг этой круглой дыры...*

— Ну так что, Джим? — вопрошает Таш. — Где же твоя эль-моденская начальная школа? Тут вроде одна земля.

— Это подсыпка. Нужно ее расчистить.

Сэнди вручает Джиму короткую алюминиевую лопату.

— Твоя очередь.

И Джим берется за работу. Джим никогда не был особенно сильным, боролся он в весе мухи, всего сто двадцать три фунта при вполне нормальном росте, и полагался не столько на грубую силу, сколько на быстроту и ловкость — даже когда тренер Бигл, по прозвищу Дикий Пес, заставлял их по четыре часа в день ворочать железо.

С умением у Джима тоже не очень — каждый взмах лопаты выкидывает жалкую горсточку земли. Раздосадованный такими результатами, он выставляет ногу вперед, поднятая обеими руками лопата резко идет вниз — но останавливается на полпути, перехваченная здоровенной клешней Таши.

— Сдурел, Джим? Ты же чуть не ампутировал себе ногу! Думай все-таки, что делаешь, ладно?

— А-хахахахахаха.

Но вот энтузиазма у него хоть отбавляй, так что через некоторое время яма достигает глубины фута в два, только теперь появляется новая трудность — как помешать земле обваливаться со стенок и засыпать дно? На место Джима встает Эйб, и дело идет быстрее; примерно через час после начала операции лопата глухо стучается обо что-то деревянное.

— Ого! И даже о-го-го! Клад!

Эйб расчищает толстый деревянный брус. Хорошее дерево, то ли дуб, то ли бук, то ли еще что в этом роде. Сухое